

Все приведенные данные вскрывают, в известной степени, те попытки сепаратного мира, которые были предприняты в 1915 году германцами при посредстве Васильчиковой. Мы видим, таким образом, что это дело имело две стадии, из которых первая только здесь впервые выясняется. При этих попытках германцы действовали совместно с австрийцами, при чем руководящая роль принадлежала, конечно, Вильгельму II. Для мирного посредничества здесь были использованы родственные связи царствующих домов России и Германии, но, несмотря на видимое сочувствие к этим германским шагам Александры Феодоровны, Романовы не могли пойти на переговоры хотя бы уже потому, что только-что перед тем они были подкуплены «союзниками» обещанием Константинополя, и, кроме того, они опасались, что сепаратный мир может вызвать революцию.

2.

В предыдущей главе мы упоминали о том, как герцог гессенский Эрнст-Людвиг в письме к сестре своей А. Ф. Романовой (17 апреля 1915 г.) выдвигал предложение о желательности устроить в Стокгольме встречу «доверенного лица», командированного германцами, с таким же лицом, посланным от Романовых. О желательности подобной встречи почти в то же время писала Романовым и уполномоченная германцами русская фрейлинка Васильчикова: она говорила об этом в своем первом письме (25 февраля 1915 г.), где указывала на желательность посланки «поверенного, близкого лица» для переговоров с германскими представителями «в одном из нейтральных государств»; во втором своем письме (от 17 марта 1915 г.) она повторяла это предложение, и в следующем, третьем письме (от 14 мая) это предложение о посланке уполномоченного «для первых переговоров» поддерживалось вновь.

Тогда этот план не осуществился, и, видимо, отчаявшись в том, что Николай пошлет своего представителя для переговоров о сепаратном мире, германцы поспешили отправить в Россию фрейлину Васильчикову. Однако, ее миссия результата не дала. После этого, хотя значительно позже, в июле 1916 г., как раз в Стокгольме состоялось свидание германского представителя Варбурга с товарищем председателя Государственной Думы (позднее министром) Протопоповым. Это было

более чем через год после первых предложений о таком свидании, сделанных через герцога гессенского и через Васильчикову, но, тем не менее, есть основания думать, что между этими первыми проектами и «стокгольмской беседой» Протопопова с Варбургом имеется некоторая связь.

Среди попыток к сепаратному миру это свидание занимает определенное место, а потому мы уделим внимание этой «стокгольмской беседе»; пользуясь теми данными, которые представляются нам наиболее достоверными, мы попытаемся восстановить обстоятельства этой встречи.

Протопопов имел эту беседу в то время, когда возвращался в Россию из Англии, куда он ездил в составе так называемой «парламентской делегации». Свидание с германским представителем состоялось в Стокгольме в самом начале июля 1916 г.¹

Сведения относительно этой беседы мы приведем из сообщения самого Протопопова, сделанного 29 августа 1916 г. в Москве, на собрании губернских предводителей дворянства. Здесь все изложено обстоятельнее, чем в позднейших показаниях Протопопова в Следственной комиссии.²

Относительно обстоятельств, при которых произошла эта беседа, Протопопов сообщал тогда следующее.

«В Стокгольме проживал, — говорил Протопопов, — крупный банкир и биржевой делец Ашберг. Вот этот Ашберг явился ко мне и сообщил, что со мной очень желал бы видаться германский посланник в Швеции. Посоветовавшись по этому поводу с нашим посланником Неклюдовым, который просил меня не отказываться, я согласился на свидание»...

---

¹ Парламентская делегация вернулась в Петроград 17 июня. Протопопов же несколько позже, так как он, по просьбе Барка, задержался в Лондоне для переговоров о займе. Точная дата «стокгольмского свидания», которую нам было бы важно установить, неизвестна; указывая, что «свидание» состоялось в самых первых числах июля, мы основываемся, между прочим, на нескольких данных, имеющихся в показаниях ген. Беляева («Падение царского режима», т. II, стр. 161) и в показаниях Шингарева,

² В допросах Следственной комиссии, снятых с Протопопова, разбросаны различные данные об этом деле, но всё отрывочные и несистематичные. Доклад Протопопова, сделанный на съезде предводителей дворянства, был в январе 1917 г. напечатан, по стенограмме, в газетах. Цитируем по «Русскому Слову», 1917 г., 19 января, № 15. Письмо, по этому же поводу, другого члена делегации гр. Д. А. Олсуфьева к московскому губернскому предводителю дворянства Базилюевскому напечатано при стенограмме доклада Протопопова.

При этом Протопопов выставил условия, чтобы ему было прислано германским посланником письменное сообщение о желании с ним видаться, чтобы свидание это состоялось не у германского посланника, а где-либо на нейтральной почве, и затем, чтобы при свидании присутствовали хозяева дома, где оно произойдет, и кто-либо из товарищей Протопопова по парламентской делегации. Эти условия были приняты, и свидание состоялось в номере гостиницы, снятом для этой цели Ашбергом. Но, вследствие болезни, германский посланник фон-Люциус явиться не мог, и вместо него прибыл командированный им Варбург.¹

Беседа происходила в присутствии другого участника «парламентской делегации», члена государственного совета гр. Д. А. Олсуфьева, Ашберга² и некоего Поляка.

О содержании беседы Протопопов сообщал следующее:

«Наша беседа с Варбургом, — говорил Протопопов, — началась с его заявления, что моя статья, помещенная в английских газетах, о том, что державы «согласия» приобрели нового мощного союзника в факте недостатка провианта в Германии, не соответствует истине. Действительно, в Германии выдача пищевых продуктов ограничена, но это ограничение не является следствием недостатка припасов, а принудительной мерой, которая дает Германии возможность вести войну в течение долгого времени...

«Далее Варбург доказывал, что дальнейшее продолжение и развитие войны бесцельно: оно повлечет за собой только новые жертвы, прольет еще потоки крови, но ни к каким практическим результатам не приведет, так как общее очертание пограничных линий останется и будет закреплено в том виде, как оно находится в данное время.

«Эту мировую войну, — говорил Варбург, — вызвала Англия, и она одна повинна в миллионах человеческих жертв. Если бы Англия сразу сказала, что она выступит с державами согласия, то войны не было бы. Дружба с Англией невыгодна России: Англия всегда вела живую политику и обманывала своих союзников. Дружба с Германией дала бы России больше, чем союз с Англией. Неужели Россия забыла 1878 год, забыла, как всё напряжение государства, все блестящие победы ее войск были

---

¹ По словам Протопопова, это был старший советник посольства, но это не совсем так — см. ниже.

² Согласно показанию гр. Д. А. Олсуфьева, присутствовал не Ашберг, а некто Гуревич — «русский, живущий по торговым делам в Стокгольме».

сведены к нулю, как только английский флот появился в Мраморном море? Теперь Англия также обманывает своих союзников, и она одна извлечет выгоды из войны».

В ответ на это Протопопов указал, что Англия в то время выполняла то, что было предусмотрено ее договором с Австрией, хотя последняя и не выполнила тогда своих обязательств о выставлении 200-тысячной армии на границе России в случае появления русских войск у Константинополя. Вместе с тем Протопопов отметил, что, хотя мир с Германией в течение полутора столетий, действительно, не нарушался, но он обходился России слишком дорого; при этом Протопопов, по его словам, обратил внимание на то, какой ценой был куплен нейтралитет Германии во время русско-японской войны.

«Варбург, не отвечая на сделанные ему возражения, продолжал настаивать на бесцельности дальнейшей бойни и указал, что обвинения Германии в завоевательных стремлениях ошибочны. Немцы совсем не желают новых приобретений. Они только хотят справедливого исправления границ. Курляндия должна принадлежать Германии, а не России, к которой она привязана искусственно. На вопрос — как же латыши? — Варбург заметил, что о латышах говорить не стоит — это мелочь. Польша, — продолжал Варбург, — должна составить особое государство, и почин государя в этом отношении как нельзя более соответствует гуманным начинаниям и пожеланиям польского народа. Восстановление Польши в ее границах будет только выполнением долга справедливости».

На вопрос Протопопова, какие же должны быть границы Польши — географические или этнографические, Варбург ответил: «копечно, этнографические».

Протопопов в ответ на это напомнил Варбургу про то, что, если Польша будет восстановлена в ее этнографических границах, то в состав этого будущего государства должна войти и часть Польши, отошедшая по разделу к Германии.

«На это Варбург возразил, что в Германии нет поляков: поляки только в России и Австрии; в Германии каждый поляк, по национальности и по убеждениям, — такой же немец, как и он, если не больше».

«Что касается бывших французских владений, — продолжал Варбург, — Эльзаса и Лотарингии, то Германия сознает допущенную ею после франко-прусской войны крупнейшую политическую ошибку. В то время Германия могла взять лишних 10 мил-

лионов контрибуции, но не должна была увечить государство. Она приобрела из-за этого непримиримого врага в лице Франции, и ей за ошибку приходится платиться. Лотарингия могла бы быть Франции возвращена; что касается Эльзаса, то он отнят у Франции еще при Людовике XIV, и о нем сейчас не может быть никакой речи.

«Коснувшись вопроса о Бельгии, Варбург сказал, что Бельгию им очень жалко: бельгийцы — хороший и трудолюбивый народ, но у них был секретный договор с Англией, — за это Бельгия поплатилась. На анексию Германия не покушается, и Бельгию она восстановит, при условии обеспечения границ Германии. Сербия сейчас в ужасном положении. Она истекает кровью, но что делать — это результат войны. Против посягательства России на захват Галиции, Буковины и проливов, если союзникам удастся ими овладеть, Германия ничего не имеет и лишь твердо стоит за пезыблемость границ на западе России в том виде, как они определились в данное время.

«Варбург прибавил, что Англия хочет господства и связывает волю русского государя, запрещая ему заключить сепаратный мир».

В дальнейшем разговор не имел ничего интересного и, — по словам Протопопова, — был закончен им самим, несмотря на желание Варбурга продолжать беседу.

Участник беседы гр. Д. А. Олсуфьев в письме к московскому губернскому предводителю дворянства дал некоторые объяснения по поводу этого сообщения Протопопова и внес кое-какие свои поправки.¹

По возвращении Протопопова в Петроград, о «стокгольмской беседе» стало известно (со слов самого Протопопова) в думском кругу, и даже промелькнуло об этом сообщении в печати. Но тогда на это свидание особого внимания обращено не было.²

¹ Между прочим, Олсуфьев отрицал, что было какое-либо упоминание о Курляндии, Галиции, Буковине и Эльзасе; но надо заметить, что Протопопов говорил по свежей памяти, а Олсуфьев — уже через полгода после беседы. Относительно предварительных сношений Протопопова (через Ашберга) с Любимусом, Олсуфьев, — по его словам, — ничего не подозревал и, когда это было обнаружено, Олсуфьев считал, что он «жестокое мистифицирован».

² В печати появилось об этом известие в газете «Утро России». В связи с этим, вследствие письма члена Думы Бубликова к Родзянке, было созвано в Петрограде частное думское совещание; здесь Протопопов освятил присутствовавших о своей беседе с Варбургом. Сообщая об этом письмом в редакции газет, Родзянко писал: «Излишне объяснять, как отнесся к этим заявлениям А. Д. Протопопов», и проч. («Речь», 4 августа 1916 г.)

Только впоследствии, когда Протопопов был назначен министром и вполне обнаружил свою ультра-реакционную позицию и свою связь с Распутиным, на «стокгольмскую беседу» взглянули как на сознательную попытку нащупать почву для переговоров о сепаратном мире. В это время, в ответ на поднятую против Протопопова травлю, он старался придать обстоятельствам своей встречи с представителем Германии несколько иной характер. Вместе с тем Протопопов упорно подчеркивал, что беседа происходила «по просьбе» русского посланника в Швеции Неклюдова.¹ Однако, это тогда же было опровергнуто Милюковым, которому Неклюдов подтвердил, что никакой просьбы с его стороны не было.²

Таким образом, Протопопов уже этим обнаружил, что «стокгольмская беседа» произошла при условиях далеко не таких простых, как это казалось с первого взгляда.³

Теперь, как мы уже отметили, есть основания думать, что эта беседа явилась выполнением плана, предлагавшегося в свое время герцогом гессенским и Васильчиковой. Но, ставя это в связь, нужно обратить внимание также и на состав участников этой «беседы».

Прежде всего укажем, кто такой был этот Варбург.

По словам Протопопова, это — «старший советник германского посольства»; но, по указанию германского министра Эрдбергера, «доктор» Варбург, из Гамбурга, был только «прикомандированным к германскому посольству».⁴ По словам же члена делегации гр. Олсуфьева, Варбург был «банкиром из Гамбурга», часто ездившим по торговым делам в Швецию и имевшим до войны торговые сношения с Россией. Это последнее указание совершенно справедливо: Варбург был владельцем (или совладельцем) крупнейшей банковской фирмы в Гамбурге «М. М. Warburg & Co». Этот банк имел финансовые сношения с Россией и, в частности, обслуживал интересы германских акционеров Русско-

¹ «Речь», 28 ноября 1916 г., письмо в редакцию Протопопова.

² «Речь», 29 ноября 1916 г., статья П. Милюкова: «Г. Протопопов и русская дипломатия».

³ Заметим кстати, что заведующий заграничной агентурой департамента полиции Красильников получил при Протопопове, — по словам Белецкого, — чин действ. статского советника «за раскрытие шпионской организации в Стокгольме»; а, в действительности, как сообщает Белецкий, «за затушевание обстоятельств стокгольмского свидания» (письменное показание Белецкого в Следств. комиссии).

⁴ Эрдбергер. «Германия и Антанта», стр. 202.

Азиатского банка (правление которого помещалось в Петрограде).¹ Это, конечно, нисколько не мешает тому, что Варбург в то же время мог выполнять и поручение германского правительства.

Что касается Протопопова, то, отправляясь в составе парламентской делегации в Европу, он был не только товарищем председателя Государственной Думы, но, в то же время, одним из виднейших деятелей, и даже председателем «совета съездов металлообрабатывающей промышленности»; самый съезд состоялся в Петрограде 29 февраля 1916 г., и тогда же был организован постоянный «совет». Через металлургическую промышленность Протопопов был связан с банковскими кругами.² Вместе с тем Протопопов, уже давно находившийся в близких отношениях с Распутиным и Бадмаевым, выдвигался этими лицами кандидатом в министры еще до своей поездки, в составе парламентской делегации, за границу.³

Можно указать также, кто такие были другие организаторы и участники этой «беседы». Ашберг — «крупный банкир» (стокгольмский) был в тесной связи с русскими банками и, по поручению синдиката последних, ездил (в 1916 г.) в Америку для проведения там русского займа.⁴ Пóляк, по определению Протопопова — «крупный финансист», «нефтепромышленник»; это, несомненно, Л. С. Пóляк, директор правления нефтепромышленного общества «Кавказ» и директор Московского отделения нефтепромышленного общества «Мазут».⁵

К этому надо прибавить, что позднее (в письменных показаниях, данных в Следственной комиссии) Протопопов сообщал еще такую черту о роли этого Пóляка.

«После моего возвращения из путешествия за границу в Петроград, — писал Протопопов, — ко мне приехал Л. С.⁶ Пóляк

¹ См., например, книгу П. В. Оля «Иностранные капиталы в России». Изд. Института Экон. Исследов. Н. К. Ф. П. 1922 г., стр. 79.

² Обо всем этом подробно говорится далее в очерке «Банки и Распутин».

³ Это прямо видно из показаний самого Протопопова в Следственной комиссии — см. «Падение царского режима», т. I, стр. 114—115.

⁴ Письменные показания Протопопова в Следств. комиссии, от 27 июля 1917 г.

⁵ В своих письменных показаниях (от 27 июля 1917 г.) Протопопов называет это лицо Л. М. Пóляком (а не «Л. С.»), но Пóляка с такими инициалами нет ни во «Всем Петрограде» ни во «Всей Москве». Очевидно, у Протопопова ошибка. Другой Пóляк, С. Г., также крупный нефтепромышленник, директор общества «Мазут», был вместе с тем членом совета Азовско-Донского Коммерческого банка.

⁶ У Протопопова ошибочно указано: Л. М. Пóляк.

и привез мне для исправления наш разговор с Варбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык и прочесть его не мог. Поляк предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я отказался его исправлять, обратил его внимание, что ему иметь какие-либо сношения с Варбургом не годится и что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай я не говорил до сих пор, не желая кидать тень на него за легкомысленный его поступок».¹

Все эти данные относительно участников беседы мы привели для того, чтобы показать, что для обсуждения вопроса о сепаратном мире между Россией и Германией сошлись представители некоторых банковских групп обеих стран. Это, конечно, имеет свой смысл. Вместе с тем это несколько колеблет нашего предположения о связи этой «беседы» с предположениями Вильгельма и герцога гессенского, в виду тех взаимоотношений, которые существуют везде между правящей властью и представителями банковского капитала. Во всяком случае, на этом небольшом факте мы видим симптом крупного явления, о котором, по отношению к Романовым, будем говорить в отдельном очерке.

Как же отнеслись к «стокгольмскому свиданию», сами Романовы и, в частности, Николай?

Вскоре по возвращении из-за границы Протопопову была «устроена» возможность представиться Николаю II. Когда перед этим Протопопов рассказывал о стокгольмской встрече Милюкову и сообщал ему, что собирается передать об этом и царю, Милюков, по его собственным словам, «испугался и думал, как бы это предложение (Варбурга) не было принято серьезно»; Милюков убеждал Протопопова «не приписывать особого значения» этому делу, смотреть на него «как на случайный эпизод туриста, и в этой форме изложить» (Николаю). Но Протопопов знал, что это свидание для него — большой козырь, и Милюков должен был позднее сознать свою ошибку: «потом, — говорит он, — я убедился, что он (Протопопов) сделал как раз обратное (совету Милюкова); придал этому очень большое значение, и на этом выиграл в мнении государя».²

¹ Письменные показания в Следственной комиссии, от 27 июля 1917 г.

² 2-е показание Милюкова в Следственной комиссии. — Это признает и сам Протопопов в своих письменных показаниях (от 19 августа 1917 г.), говоря: «Я чувствовал, что он (Николай) остался очень доволен моим докладом».

Таким образом, на этом эпизоде, и в особенности на состоявшемся вскоре назначении Протопопова министром, уже намечается некоторый поворот в отношении к вопросу о сепаратном мире и самого Николая.

Вместе с тем надо указать на то, что весной 1916 г. (т.-е. незадолго до «стокгольмского свидания») Романовы имели какие-то основания для уверенности, что война окончится осенью этого (1916) года. Так, 17 марта А. Ф. писала Николаю относительно Гос. Думы:

«Не прикажешь ли ты Штюмеру послать за Родзянко (мерзавцем) и очень твердо сказать ему, что ты требуешь, чтобы бюджет был окончен до пасхи, так как в таком случае не придется их всех сзывать до тех пор, пока, с божьей помощью, все не станет лучше: осенью — после войны. Они хотят все тянуть, так, чтобы вернуться летом со всеми своими отвратительными либеральными предложениями. Многие того же мнения и просят тебя настоять, чтобы они теперь закончили. И ты не должен делать послаблений, ответственного министерства и т. д. — всего, чего они хотят. Это должна быть твоя война и твой мир и ни в каком случае не Думы. Они не имеют права сказать хотя бы одно слово в этих вопросах».¹

Отсутствие в этот момент Думы² было необходимо потому, что, как мы отмечали выше, со стороны возглавляемой Думой воинствующей буржуазии Романовы ожидали революции, в случае заключения сепаратного мира.

Однако, через некоторое время уверенность Романовых в скором прекращении войны была чем-то поколеблена. По крайней мере, 20 июля (т.-е. уже после «стокгольмского свидания») А. Ф. писала Николаю относительно той самоуверенности, с которой относится Вейков к вопросу об окончании войны: «он, — говорила А. Ф., — абсолютно уверен, что война кончится к ноябрю, и теперь, в августе, будет начало конца, — он меня раздражает.

---

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 53. Не лишне отметить, что в этом же письме А. Ф. есть такие слова: «Это рассказал сын Альберта Гранси — по крайней мере мне так сказали, — вот хоть один честно сказал, что начали немцы». Гранси — это одно из лиц, близких к гессенскому двору. Несомненно, и в этой фразе имеются в виду какие-то разговоры на тему о мире.

² Гос. Дума была распущена 20 июня, а созвана после этого 1 ноября.

Я ему сказала, что бог единый знает, когда наступит конец, и что многие говорили, будто это произойдет в ноябре, но я сомневаюсь». ¹

Мы не знаем, что нарушило первоначальную уверенность Романовых, но есть некоторые основания думать, что существовавшие надежды были связаны у них с решением пойти на предлагавшиеся германцами переговоры; попытка к этому могла осуществляться «стокгольмской беседой». Однако, германцы, в лице Варбурга, высказали такие принципы, заключить на основе которых мир Романовы не могли. Это не исключало, конечно, возможности возобновления переговоров, — и тогда Протопопов, как уже показавший свою к ним готовность, мог бы быть снова полезен.

Протопопов был назначен министром внутренних дел 16 сентября 1916 г. После сказанного, имеет значение выяснить те условия, при которых состоялось это назначение, — таким путем еще яснее обнаружатся те лица, которые стремились к сепаратному миру.

Мысль о назначении Протопопова министром внутренних дел (на место А. А. Хвостова) была внушена Романовым Распутиным. Первое упоминание об этом в переписке Романовых (7 сентября 1916 г.) носит такой характер:

«Теперь Штюмер хочет предложить в качестве министра внутренних дел этого князя Оболенского из Курска-Харькова (до того он был в старой ставке с Николашей!!), ² теперь он работает по продовольственному вопросу, но Григорий ³ убедительно просит тебя назначить на эту должность Протопопова. Ты его знаешь, и он на тебя произвел такое хорошее впечатление, — к тому же так пришлось, что он член Думы (не из левых), и, таким образом, он будет знать, как к ним относиться». ⁴

Все это было писано непосредственно после беседы А. Ф. с Распутиным. Дальше А. Ф. прибавляет:

«Я думаю, что лучше всего было бы назначить его... Он в дружбе с нашим Другом ⁵ уже по крайней мере четыре года, и это очень много говорит за него, — а этот Оболенский, наверное,

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 146.

² В. к. Николай Николаевич.

³ Распутин.

⁴ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 172.

⁵ Распутиным.

будет в другом лагере. Я его (т.-е. Протопопова) не знаю, но верю в мудрость и советы нашего Друга». ¹

Этих двух указаний А. Ф., со ссылкой на выбор Распутина, было достаточно для того, чтобы Протопопов (которого сама А. Ф. еще ни разу не видела) был назначен министром внутренних дел. 14 сентября А. Ф. уже благословляла мужа за это назначение: «Да благословит господь твой новый выбор Протопопова, — писала она, — наш Друг говорит, что ты очень мудро поступил, назначив его». ²

Таким образом мы и здесь, при вопросе о сепаратном мире, приходим к имени Распутина. Это, конечно, не случайно. Известно, что Распутин был против того, чтобы Романовы начинали войну: он (находившийся при начале войны в Тобольской губ.) посылал в этом смысле телеграммы Романовым и надеялся на «мирный покой», — он находил, что «большое злодеяние затевают». ³

Это отрицательное отношение Распутина к самому факту объявления войны видно и из переписки Романовых:

«Наш Друг, — писала А. Ф. Николаю 1 ноября 1915 г., — был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария». ⁴

В связи с этим можно указать и на то, что если Николай II не ввязался ранее в балканскую войну, то, повидимому, в этом отношении сыграли некоторую роль советы Распутина. ⁵ Отметим также, что в течение 1912, 1913 и 1914 гг. (до войны) Распутин не раз высказывал свои «мирные» взгляды в «беседах» с сотрудниками различных газет. ⁶

Было бы естественно ждать, что, признавая войну ненужной, Распутин, по мере своих сил, постарается «умиротворить» Николая.

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 173.

² Там же, стр. 179.

³ См. «Переписка Н. и А. Романовых», т. III, предисловие М. Н. Покровского, стр. XIX, и приложение III к этой книге.

⁴ Там же, стр. 423.

⁵ «Воспоминания» А. П. Извольского (б. министра инстр. дел), П. 1924 г., стр. 95. — То же утверждает в своих воспоминаниях Вырубова. Она пишет, что, когда в. к. Николай Николаевич уговаривал Николая II принять участие в войне, тогда Распутин «чуть ли не на коленях перед государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну, и что Россию постигнет неминуемое несчастье» («Страницы из моей жизни», стр. 90).

⁶ Об этом см. в приложениях.

Но прямых указаний на то, чтобы Распутин давал в этом отношении какие-либо советы, переписка Романовых не дает.

Нелишнее, однако, отметить, что пацифистское настроение Распутина учитывалось некоторыми влиятельными лицами еще до начала войны. Так, гр. С. Ю. Витте летом 1914 г., перед самым началом военного кризиса, высказывал мнение, что «есть один лишь человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку»; по мнению Витте, таким человеком был Распутин.¹ Конечно, в этом отзыве находившегося не у дел сановника более всего говорит голос самолюбия, оскорбленного тем, что не он, Витте, «распутывает» завязавшиеся узлы. Но с другой Витте, видимо, могла уживаться и та мысль, что Распутин, если бы его в это время послушали, помог бы предотвратить войну.

Здесь мы подходим к той пацифистской группе, которая существовала накануне войны в среде русской бюрократии и имела, несомненно, известную опору в некоторых слоях буржуазии и помещичьего класса. Подобные группы, отрицательно относившиеся к надвигавшейся войне с Германией, существовали, как известно, и во Франции, и в Англии, и в Италии. Что касается собственно цитированного нами Витте, то он также был противником возможности войны с Германией и выдвигал, в противовес соглашению России с Англией, теоретическую идею франко-русско-германского союза. Когда началась война, то Витте с нею не примирился и открыто высказывал мысли о необходимости «ликвидировать эту пеленую авантюру».²

Ряд других крупных бюрократов также отрицательно относился к перспективам войны с Германией. Одним из крупнейших представителей этой группы надо считать П. Н. Дурново, который высказал свои взгляды в особой записке, поданной им Николаю II в феврале 1914 г. и отличающейся замечательной проницательностью. Не имея возможности подробно останавливаться на содержании этой записки, мы отметим только один из мотивов того, почему известный слой буржуазии придерживался пацифистской позиции. В основе этого пацифизма лежал страх перед возможностью революции.

---

¹ См. «Дневник б. великого князя Андрея Владимировича». Л. 1925 г., Гос. Изд-ство, стр. 87.

² См. М. Н. Покровский. «Царская Россия и война». М. 1924 г., Госуд. Изд-ство, стр. 28.

Приведем одно, весьма в этом отношении характерное, место из этой записки:

«Как бы печально ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам, как результат союза с Англией, — следовательно, и войны с Германией, — они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого, по существу своему противоестественного, союза. Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представителями консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и в несравненно меньшей степени Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным движениям, направленным к свержению монархий и законного строя. С этой точки зрения, борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как несомненно сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того — нельзя не предвидеть, что, при исключительных условиях надвигающейся мировой войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая силою вещей перекинется и в страну-победительницу»...

В дальнейшем тексте Дурново утверждал, что «политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое».¹

Так думал Дурново; но от этих его взглядов были далеки широкие слои русской буржуазии: рассчитывая, что война даст им новые экономические выгоды, они совсем не сознавали той политической опасности, которая была связана с войной.

---

¹ Записка напечатана в журнале «Красная Новь», 1922 г., книга 6. С предисловием М. Павловича. — В сокращении помещена в журнале «Былое», 1922 г., № 19, стр. 161 — 176.

К группе бюрократов, разделявших взгляды Дурново, принадлежал и Штюмер, назначенный, по рекомендации того же Распутина, 20 января 1916 г. председателем совета министров. Весьма симптоматичным является призыв к власти именно этих двух лиц — Штюмера и Протопопова. Если Протопопов произвел благоприятное впечатление на Николая своей «стокгольмской беседой» (т.-е. фактом, с точки зрения буржуазной «общественности», крайне предосудительным), то председатель совета министров Штюмер уже и ранее пользовался такой определенной репутацией «германофила», что назначение его и в Европе и здесь было понято, как торжество «немецкой партии» и как намек на возможный откол России от связи с союзниками. Романовым была хорошо известна такая репутация Штюмера: сам Николай находил, что это назначение произведет впечатление «громового удара». ¹ И, проводя здесь параллель с мотивами назначения Протопопова, можно считать несомненным, что именно «папифистские» стремления правящей группы послужили главным поводом для избрания Штюмера в председатели совета министров.

Таким путем Романовы становились на «мирные» позиции. Это, в известной мере, объясняется тем, что к данному времени в некоторых слоях буржуазии и помещичьего класса, а также отчасти и самими Романовыми, было понято, что война вызывает такое усиление революционного движения, которое в конце концов может подвергнуть опасности самое существование монархии. В частности, германцы, как до войны, так и во время ее ², неоднократно указывали Романовым на эту опасность войны как для Русской, так и для Германской монархий; теперь стали выявляться признаки справедливости этих указаний.

Таким образом, пред лицом этой грозной опасности русские помещики волей-неволей делались «германофилами»: самые настоящие «патриоты», в духе «союза русского народа», теперь, более чем раньше, логически приходили к германофильству. Протопопов говорил про Штюмера, что «он был более русский, чем всякий русский, — он, если можно так выразиться, на дыбах ходил». ³ И, тем не менее, это «хождение на дыбах» приводило в сторону монархической Германии. Для этого, конечно,

¹ «Письма А. Ф.», т. I, стр. 368, письмо от 10 января 1916 г.

² См., наприм., здесь стр. 16, письмо Васильчиковой.

³ Показания в Следств. комиссии.

не надо было быть ни «шпионом» ни «изменником»; наоборот, это ориентирование на монархически-юнкерскую Германию, под-сказываемое чувством классового самосохранения, должно было стать теперь самым «искренним убеждением» всякого «истинно-русского» патриота.

Наступили «тяжкие времена»: Саблин «дрожит» за Николая и Александру Романовых¹ — вот неприкрытое проявление того, основанного на классовой опасности, мотива для сепаратного мира, о котором мы говорим. Романовы стали «дрожать», потому что чувствовали, как затянувшаяся война создает все бóльшую и бóльшую угрозу для монархии, для помещиков, для самих царей.

«Династия переживает тяжелые испытания», — 26 марта 1916 г. писала Николаю А. Ф.² И потом, когда он решил было однажды уволить Протопопова, А. Ф. умоляла мужа: «Вспомни, что дело не в человеке (Протопопове), или X, Y, Z, но вопрос идет о монархии³ и о твоём престиже, который не должен быть подорван» (письмо от 12 ноября 1916 г.).⁴

«Если бы у нас не было бы Его (Распутина), все было бы давно кончено, — я в этом совершенно уверена», — утверждала А. Ф. 4 ноября 1916 года.⁵ Значит — не будь Распутина, — монархии, по мнению А. Ф., в это время уже не существовало бы. Только он, этот великий пророк и святой, поддерживал бренное тело монархии. А когда Распутин умер, что же могло сохранить ее? Неужели одни его загробные молитвы?

Итак, правящая группа начала понимать серьезность положения, — и это было одной из причин ее стремления к миру.

В то же время на своих съездах «правые» настаивали на усугублении реакционного курса. Но наиболее ответственные представители этих помещичьих и бюрократических кругов, как Щегловитов, Маклаков и т. п., вращавшиеся на придворной арене и рассчитывавшие вновь получить министерские посты, не смели, однако, из боязни «общественности», раскрыть свои карты и гласно заявить о необходимости сепаратного мира, который был, тем не менее, логическим завершением рекомендуемой ими политики.

---

¹ «Переписка», т. III, стр. 378, — письмо А. Ф. от 20 сентября 1915. Саблин — контр-адмирал, командир царской яхты «Штандарт», «личный друг» Романовых.

² «Письма А. Ф.», т. II, стр. 55.

³ Подчеркнуто А. Ф.

⁴ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 240.

⁵ Там же, стр. 228.

Только другие, менее дипломатически развитые, реакционеры договаривали свою мысль до конца.

Вот, например, выдержка из одной резолюции группы «правых», приведенная в Г. Думе еще 1 марта 1916 г. депутатом Савенко.

«Мы долго обсуждали поставленный выше вопрос о разумности продолжения войны и не можем со спокойной совестью сказать, что народ хочет дальнейшей борьбы. Страна далека от мысли покорного согласия к выполнению немецких требований, но она и не отвергает возможности полюбовно прийти к соглашению, если таковое необходимо. Мы верим в Россию, но не верим в искренность недавних внешних и внутренних врагов ее, сознаем опасность, назревшую от экономических тягот, видим, как углубляется рознь между имущими и бедными классами населения. Мы знаем также, что враг утомлен, ослаблен, как манна небесной хочет примирения с сильнейшим противником своим. Нам известны также и предложения, сделанные им; они свидетельствуют об истощении немецких империй. Когда судьбы родины зависят от силы меча, то только разумом, а не сердцем, можно решать вопросы государственной важности, каким является вопрос о заключении мира. Если нет неоспоримых доказательств в близости исчерпывающей победы, то долг государственных людей не подвергать дальнейшему испытанию народное терпение, ибо оно слишком напряжено».¹

Все это, естественно, выражено в осторожных формах; но побудительный мотив, в виде классовой опасности, усиливающейся от продолжения войны, и здесь выскакивает наружу: это — «углубление розни между имущими и бедными классами населения». И, для предотвращения грозящей опасности, рекомендуется поставить на очередь вопрос о мире.

Но предпринимали ли Романовы, после «стокгольмского свидания» Протопопова — Варбурга какие-либо шаги к примирению с Германией — этот вопрос (по крайней мере в отношении 1916 г.) мы принуждены, за отсутствием документальных данных, оставить открытым. Однако надо отметить, что именно к октябрю — ноябрю 1916 г., т.-е. к тому времени, когда у власти находились и Протопопов и Штюрмер, относятся самые упорные сообщения о том, что русское правительство ведет сепаратные переговоры с Германией; нам остается только указать на самую вероятность этих сообщений.

---

¹ «Стенографический отчет Гос. Думы», от 1 марта 1916 г.

Известия о сепаратных переговорах, распространявшиеся тогда в европейской и русской печати, шли из Швейцарии. В швейцарской газете «Bernener Tagewacht» (интернационалистский орган Р. Гримма) были даже напечатаны тогда пункты мирных условий, предложенных Германией России; при этом воспроизведены портреты Штюрмера и [фон-Ягова. Вероятно, на эту же газету ссылается и В. И. Ленин в своей статье «О сепаратном мире» (написана 6 ноября 1916 г.), при чем Ленин указывает, что когда русское посольство в Берне выступило с официальным опровержением этого, то «социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению», при чем, в подтверждение своего заявления, газета ссылалась, между прочим, на тот факт, что в торговых кругах Швейцарии имеются об этом «положительные сведения из торговых кругов России». ¹

Германские авторы, касаясь вопроса о мире с Россией, хотя и признают, что назначение Штюрмера было понято как признак желания начать переговоры, но уверяют, что к ним все-таки приступлено не было.

Так, германский кронпринц в своих мемуарах высказывается об этом в следующих словах:

«Благоприятная минута для заключения мира с Россией представлялась в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохо. Царь как раз тогда назначил Штюрмера главой министерства, а этот человек был, несомненно, расположен к нам. Я даже видел в этом назначении неоспоримый признак желания начать переговоры с нами о мире. Убеденный, что это клонится к нашему благополучию, я всячески доказывал нашим правителям, что необходимо как можно скорее схватиться за протянутую руку. Летом и в начале осени наши дипломаты вели об этом частные переговоры между собой и с главной квартирой, но к практическому осуществлению так и не пришли. Вместо того, чтобы попытаться вступить в переговоры со Штюрмером, дело ограничивалось тем, что стали разливаться в бесполезных жалобах на невозможность сношений с иностранными дипломатами по условиям военного времени»... ²

Германский канцлер Бетман-Гольвег в своих «Размышлениях о мировой войне», касаясь этого вопроса, говорит, что он лично,

¹ ~~_____~~

² «Записки германского кронпринца». С предисловием В. Кряжина. Госуд. Изд-ство. 1923 г., стр. 130—131.

после всех сделанных германцами попыток, не верил (в конце 1916 г.) в возможность сепаратного мира с Россией. Он упоминает вместе с тем, что какие-то «неясные надежды» на мир существовали ранее — в июле-августе 1916 г.; повидимому, это последнее указание касается переговоров с Протопоповым, о которых здесь же вскользь он упоминает.

Но вместе с тем Бетман-Гольвег указывает, что в то время было распространено в Германии и другое мнение, которое рассматривало сепаратный мир с Россией «как дело само собой разумеющееся», и упустить эту возможность, согласно этому взгляду, «могла только самая бездарная дипломатия».¹

К числу лиц, придерживавшихся, повидимому, именно такого взгляда, принадлежал, между прочим, и один из столпов германского империализма, «создатель морской мощи Германии», известный Тирпиц. В написанных им мемуарах есть также упоминания о каких-то «бесedah», которые он имел осенью 1916 г. по вопросу о сепаратном мире с некоторыми русскими, — однако, эти упоминания, как увидим ниже, весьма смутны; гораздо важнее, что Тирпиц изложил при этом ту примерную программу, которая по взгляду его и, очевидно, лиц его группы могла бы быть положена в основу сепаратного мира с Россией, ставшего тогда для немцев, — по мнению Тирпица, — «вопросом жизни и смерти». Приведем соответствующее место из мемуаров Тирпица:

«Осенью 1916 г., — пишет он, — я имел случай беседовать с некоторыми русскими, дружески расположенными к Германии, и из этих бесед, в связи с другими признаками, я заключаю, что существовала возможность заключить мир с Россией. Конечно, я не мог и теперь не могу иметь полного представления, на каких условиях был достижим подобный мир. Однако, в качестве основы для переговоров, имеющей вероятность успеха, можно представить себе следующие условия: мы должны были бы пойти навстречу для удовлетворительного разрешения сербского вопроса, признав десять, также и царем принятых в 1914 г., пунктов ультиматума² и назначив арбитраж для решения остальных двух пунктов, так что в общем Россия достигла бы успеха без поражения Австрии. Мы могли бы потребовать продвижения нашей границы до Нарева, дабы обеспечить Восточную Пруссию от повторения

¹ Th. von Bethmann Hollveg. «Betrachtungen zum Weltkrieg». 2-ter Theil, Seite 94—96, 300. Berlin, 1922.

² Австрийский ультиматум Сербии.

испытанного ею нашествия, а взамен предложить ей соответствующую часть Восточной Галиции, за что Австрия, в случае надобности, могла бы быть вознаграждена в Новобазарском санджаке и Албании. Мы выхлопотали бы России право прохода военных судов через Дарданеллы и, если бы она согласилась заключить с нами союз, предоставили бы ей один из островов в Эгейском море. Мы отказались бы от Багдадской железной дороги, или допустили бы русских к участию в ней. Мы предоставили бы России Персию и взяли бы на себя русские долги Франции. Если бы России удалось устроить мир между нами и Японией, то за это можно было бы предложить ей еще более благоприятные условия. Что касается Константинополя, то русские должны были бы согласиться с тем, что мы не можем допустить уничтожения Турции. Однако, мы дали бы обещание постепенно преобразовать нашу турецкую политику. Можно было бы также позаботиться о личном вознаграждении великих князей¹ и проч.».

Далее Тирпиц говорит, что Австрию можно было бы склонить к принятию таких условий, а, в этом случае, Италия также принуждена была бы пойти на соглашение; затем Тирпиц намечает условия примирения с Японией, рассчитывая и на возможность союза с ней.

«Все сказанное, — пишет он, — должно лишь приблизительно показать, на какой почве можно было бы попытаться прийти к соглашению с Россией и Японией. При этом главным для нас оставалась враждебная Англии ориентация нашей общей политики. Русско-японское сближение в 1916 г. давало основу для этого последнего великого союза, направленного против англо-саксов».

Затем Тирпиц, видимо, размечтавшись, рисует еще более далекие горизонты:

«Сверх того, — пишет он, — открывались более широкие и далекие перспективы, как, например, пересмотр Пражского договора на тот случай, если бы Дания вслед за Россией вступила в более тесное общение с нами, в соответствии с ее интересами и географическим положением по отношению к России и Германии.

---

¹ Несколько неясно, про какое «вознаграждение» говорит здесь Тирпиц: ведь великие князья получали «вознаграждение» из русской казны. Может быть речь идет о взятках за содействие к заключению сепаратного мира?

«При посредничестве даря, мы могли бы побудить французов к миру уступкой им чего-либо в роде занятой ими маленькой части Эльзаса, что было бы для них приемлемо, при их тогдашнем положении.

«Весь мир континента, — утверждает Тирпиц, — должен был бы и мог бы быть выполнен при посредстве Петербурга».¹

Так пишет Тирпиц, который, вопреки другой группе германских империалистов, настаивавших на необходимости в первую очередь сокрушить Россию, считал «главным врагом» Англию. Эта последняя позиция разделялась гораздо более широкими слоями империалистов Германии, и, хотя они, как Тирпиц, находили необходимым идти на прочное соглашение и даже на союз с Россией, условия, намечаемые Тирпицем, кажутся нам слишком малопримемыми для германских империалистов. Не преувеличивает ли Тирпиц по каким-либо соображениям своей «программы»? Может-быть, он желает задним числом уязвить тех своих политических противников, которые не могли добиться сепаратного мира с Россией, и указать теперь русским и германским монархистам, что ради их общих целей надо было тогда идти на всё?

Все приведенные данные не представляют, однако, ответа на вопрос, велись ли в это время (при Штюрге) сепаратные переговоры между агентами царской России и Германией. Но, в сущности, вопрос о том, были эти переговоры или нет, не так уж и важен, — важнее, что Романовы готовились к этим переговорам, они «протягивали руку» (говоря словами кронпринца) Германии. И эта подготовка, вне всякого сомнения, отразилась как на общем направлении политики правительства, так и на решении отдельных вопросов, которые ставились тогда на очередь. Общая линия внутренней политики, тяготевшей все более и более к крайней реакции и упразднению Государственной Думы, вполне соответствовала стремлению к сепаратному миру, ибо, борясь с империалистской буржуазией, Романовы пытались парализовать ту силу, которая, по их представлению, угрожала революцией в случае, если бы сепаратный мир был заключен.

---

¹ А. Тирпиц. «Из воспоминаний». Перевод с нем. Д. П. Кончаловского. С предисловием В. Гурко-Кряжина. Ленгиз, 1925 г., стр. 149—150.

Что касается отдельных вопросов, на отношении к которым выявляется тяготение правящей группы к сепаратному миру, то, в связи с этим, заслуживает особого внимания образ действий Романовых относительно «польского вопроса».

Царское правительство, дав в начале войны различные обещания полякам, не предприняло, однако, в течение двух лет никаких шагов для реализации этих обещаний; только в апреле 1916 г. было обращено внимание на этот вопрос. Сазоновым был выработан в это время проект польской «автономии». Но этот проект, с которым согласился и Николай, встретил противодействие со стороны Штюмерера. Сазонов был уволен в отставку, но вопроса об автономии, тем не менее, не снял с очереди и ставший министром иностранных дел Штюмерер, который предполагал опубликовать подобный акт, хотя и в значительно урезанной, по сравнению с проектом Сазонова, форме. В основу акта были Штюмерером положены начала «областной автономии». 18 июля этот акт был закончен обсуждением в совете министров и представлен Николаю. Но затем дело приняло совершенно иной оборот благодаря настоянию А. Ф. Романовой: подготовив соответствующую почву в письмах к Николаю, она 22 июля обратилась к нему с просьбой «задержать разрешение польского вопроса»¹ до ее приезда в ставку. Затем, при докладе по этому вопросу Николаю II Штюмерера (21 августа), он не получил определенного ответа, но при следующем докладе (10 сентября) Николай высказал ему уже свое окончательное решение, что он предполагает опубликовать этот акт «только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши». Таким образом, вопрос этот был снят с очереди.

Какую же цель преследовала настаивавшая на этом А. Ф. Романова, то-есть та распутинская группа, агентом которой она являлась? По всей вероятности, цель была именно в том, чтобы, в виду подготовки сепаратного мира с Германией, не обострять вопроса о Польше такими обещаниями, которые, в известной степени, связывали бы русскую политику. Французский посол Палеолог, не без основания, видел в тактике распутинской группы относительно Польши «ловкий ход для примирения с Германией».²

¹ Об этом Штюмерером, по приказанию А. Ф., была отправлена телеграмма Николаю, находившемуся в ставке. Подробнее весь этот вопрос изложен в нашем сборнике «Монархия перед крушением».

² «Царская Россия накануне революции», стр. 67.

Между тем, правящая милитаристская группа Германии, воспользовавшись тем, что царское правительство отказалось от мысли опубликовать этот акт, 22 октября (5 ноября н. ст.) возвестила об организации польского королевства, под германским главенством. Это было сделано по инициативе военного командования, — однако, более умеренно настроенные австро-германские круги находили этот акт крупнейшей политической ошибкой.

Вот что, например, пишет об этом Эрцбергер:

«Положительно политической катастрофой для центральных держав оказалось действие этой прокламации¹ в России, где влиятельные круги в то время были готовы заключить всеобщий мир или, в случае его отклонения, сепаратный мир с центральными державами. Для этой цели специально было поручено Штюрмеру руководство делами». ² Это было ошибкой потому, что таким актом, по взгляду Эрцбергера, австро-германцы «глубоко подсекли единственную возможность мира». ³

Таким образом, хотя непосредственно руководившие Николаем А. Ф. Романовым и Распутиным, готовясь к сепаратному миру, создали, вопреки настояниям Сазонова, благоприятную для германцев позицию в «польском вопросе», но австро-германские империалисты не оценили этих усилий.

В связи с подготовкой к сепаратному миру, вставал, конечно, чрезвычайно острый вопрос о «союзниках». Правительство Романовых в официальных с ними сношениях не скупилось, как и раньше, на выражение им своей «любви» и «преданности». Но в интимной личной переписке Романовых стали теперь проскальзывать иногда тона, показывающие совсем другие настроения. Это видно, например, из отношения — Александры Федоровны и Распутина к Англии.

«Я предвижу, — пишет А. Ф. 2 ноября 1915 г. Николаю, — ужасные осложнения по окончании войны, когда надо будет разрешить вопрос о балканских государствах, и опасаясь, что эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей». ⁴

Это — пока еще только недоверчивость (и притом разумная). Но приведем другой отзыв — позднейший.

¹ То-есть австро-германского акта о Польше.

² Подчеркнуто нами.

³ Эрцбергер. «Германия и Антанта», стр. 150. — Так же смотрел на это и Тирпиц (см. «Из воспоминаний», стр. 151).

⁴ «Переписка», т. III, стр. 424.

Погибает английский фельдмаршал Китченер,¹ имя которого было окружено таким ореолом у английских империалистов. И вот как реагирует на эту смерть учитель Романовых, Распутин:

«Для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он бы наделал России вреда, и это не жалко, что с ним погибли документы», — таково было мнение Распутина.

А. Ф., в письме от 5 июня 1916 г., сообщала этот взгляд «божьего человека» Николаю. «Видишь ли, — объясняла она при этом, — он (Распутин) всегда боится роли Англии после окончания войны, когда начнутся мирные переговоры».²

Суждение Распутина о том, что Англия помешает русским империалистам урвать некоторые намеченные ими лакомые куски, имеет, несомненно, свои основания, но каково это трогательное, христианское отношение к гибели вождя «доблестных союзников»! Полуприкрытая обычно вражда к ним здесь выступает наглядно и отчетливо.

Торжествуя при известии о гибели Китченера и вместе с тем сочувствуя разным «страданиям» герцога гессенского,³ А. Ф. невольно повторяет иногда те слова, которые говорил последний, предлагая возбудить негласные переговоры о сепаратном мире. «В Германии нет настоящей ненависти к России», — писал Александре Федоровне «Эрни» (то же писала и Васильчикова, это же говорил и Варбург, беседовавший с Протопоповым). И А. Ф. выдвигает этот же мотив: «Их (германцев), — пишет она Николаю еще 7 сентября 1915 г., — самая сильная ненависть прошла».⁴ А «наша»? Наша искусственно поддерживается «Новым Временем». Все просто и ясно: надо только закрыть эту, гнусно растравлявшую шовинистические страсти, газету, и тогда не будет повода для того, чтобы воевать.

Симптоматично, что в этом же письме А. Ф. указывает на необходимость уволить Сазонова, усердная преданность которого англо-французским империалистам, служила некоторым препятствием для попыток примирения с Германией.

Так как все, что мы говорили в этой главе, относится к 1916 г., то мы здесь же упомянем, хотя это и не имеет прямого отношения к вопросу о сепаратном мире, о последовавшем

---

¹ Китченер погиб 24 мая 1916 г. [на пути в Россию, на крейсере, взорванном германской подводной лодкой.

² «Письма А. Ф.», т. II, стр. 109.

³ См., например, «Письма» А. Ф., т. II, стр. 24.

⁴ «Переписка», т. III, стр. 314—315.

29-го ноября (ст. ст.) этого года общим германском предложении ко всем противникам приступить к переговорам о мире. Державы «согласия», как известно, ответили на это общим отказом.

Надо сказать, что Штюрмер, на которого возлагались надежды, как на сторонника сепаратного мира, был уволен от своих должностей незадолго до этого германского предложения — 12 ноября 1916 г. Вместе с тем, еще раньше, 22 октября (ст. ст.) германское правительство опубликовало уже отмеченный нами акт об организации особого польского государства. Эти хронологические данные показывают, что если Романовыми велись переговоры с Германией, то они должны относиться к промежутку времени между 16 сентября (назначение Протопопова) и, вероятно, 22 октября (германский акт о Польше). После же этого, видимо, выяснилась неудача надежд на возможность сепаратного мира, и германские империалисты были вынуждены сделать общее предложение о мире.

3.

Австрийский министр иностранных дел Чернин в своих мемуарах сообщает весьма любопытный эпизод, тесно связанный с рассматриваемым нами вопросом.¹ Речь идет о попытке правящей русской группы вступить в сепаратные переговоры о мире уже непосредственно перед революцией.

Приводим полностью все то, что Чернин говорит по этому вопросу:

«В последние дни февраля 1917 года произошло любопытное событие: 26 февраля ко мне явился один господин, представивший мне доказательство, свидетельствующее, что он является полномочным представителем одной нейтральной державы. Он сообщил мне, что ему поручено дать мне знать, что воюющие с нами державы, или во всяком случае одна из них, готовы заключить с нами мир, и что условия этого мира будут для нас благоприятны. Он особенно подчеркивал, что об отпадении Венгрии или Чехии от двуединой империи не будет больше и речи. Мне было предложено, в случае готовности пойти навстречу этому предложению, немедленно сообщить мои условия тем же путем, при чем мне было предложено иметь в виду, что это предложение враждебной державы потеряет вся-

¹ О. Чернин. «В дни мировой войны». Мемуары. С предисловием М. Павловича. П., 1923 г., стр. 156 — 158.

кое значение, если только оно станет известным третьей державе, дружественной нам или той.¹

«Мой собеседник не мог сказать ничего больше, но из последних слов следовало, что предложение исходит от одной из неприятельских держав без ведома других.

«Я ни минуты не сомневался в том, что дело идет о России, и мой собеседник подкрепил мое предположение, хотя определенно подчеркнул, что утверждать этого он не может. Пользуясь посредничеством одной нейтральной державы, я немедленно, т.-е. 27-го февраля, ответил по телеграфу, что Австро-Венгрия, конечно, готова тотчас же прекратить дальнейшее кровопролитие, и что она не желает извлекать из мира никакой выгоды, потому что, как мы уже не раз подчеркивали, мы ведем лишь оборонительную войну. Я обращал при этом внимание на то, что несколько неясная формулировка запроса не позволяет понять, обращается ли данная неприятельская держава только к нам или ко всем союзным с нами державам, при чем я особенно подчеркнул, что мы от них неотделимы. Я прибавлял, что готов, однако, предложить свои услуги в качестве посредника в том случае, если держава, обращающаяся к нам, согласна вступить в переговоры со всеми нами. Я гарантировал соблюдение тайны, заявив, что нахожу излишним оповещать наших союзников о полученном предложении до разрешения моего недоумения. Момент для этого наступит тогда, когда положение выяснится.

«9-го марта на это последовал дальнейший ответ, в котором наша точка зрения, повидимому, принималась, но на вопрос о том, идет ли речь о мире с нами только или также и с нашими союзниками, прямого ответа дано не было. Желая как можно скорее добиться полной ясности и не терять ни минуты времени, я немедленно ответил, что я прошу неприятельскую державу командировать доверенное лицо в нейтральное государство, куда я со своей стороны тотчас же направлю нашего представителя, при чем прибавил, что надеюсь, что эта встреча приведет к благотворным результатам.

«На эту вторую телеграмму я уже больше ответа не получал. Семь дней спустя, 7-го марта,² царь был свержен с престола.

---

¹ Подчеркнуто Черниным. — «Той» надо, очевидно, понимать: дружественной той, которая делала это предложение.

² Здесь очевидная ошибка в дате: семь дней спустя после 9 марта н. ст. было 16-е число (по ст. ст. 3-е); в этот день было опубликовано отречение Николая II.

Очевидно, с его стороны дело шло о последней попытке спастись, и вполне возможно, если бы она имела место на несколько недель раньше, то судьба не только России, но и всего мира приняла бы другой оборот».

Австрийский министр говорит об этом так осторожно и с такими подробностями, что нет оснований заподозрить правительственность его сообщения, тем более что Чернин вообще очень добросовестно относится к изложению других подобных фактов.¹

Справедливость сообщения Чернина о попытке Романовых накануне революции заключить сепаратный мир может найти себе подтверждение также и в анализе тех мероприятий, которые именно в это время предпринимались для борьбы с революцией правящей русской группой, — но об этом мы будем говорить ниже; ранее возникает вопрос: почему это русское предложение было обращено в Австрию, а не в Германию?

Это, надо думать, объясняется тем, что мир между Австрией и Россией, логически ставил вопрос и о русско-германском мире, так как примирение России и Австрии уже самим этим фактом ликвидировало бы тот конфликт между этими государствами, который был формальным поводом вступления в войну Германии. Между тем, возможно, что в русских «сферах» рассчитывали добиться в Вене большей, чем в Берлине, уступчивости: в ноябре 1916 г. во главе австро-венгерской монархии стал император Карл,² который с самых первых дней своего царствования считал необходимым, под влиянием тяжелого положения монархии, искать мира.

Теперь нам надо рассмотреть еще один довольно важный эпизод, касающийся происходивших в это же время, в начале 1917 г., сепаратных переговоров Австрии с Францией: их необ-

---

¹ Так, например, говоря здесь же о попытке к сепаратному миру Италии, переданной одним «частным лицом» через посредство «дружественной державы», Чернин замечает: «Дать верную оценку таких выступлений, разумеется, чрезвычайно трудно. Возможно, конечно, что какое-либо правительство пользуется услугами частного лица для того, чтобы пойти на первый шаг — да раз оно решается на такие переговоры, то оно обязательно так и сделает, — но не менее вероятно, что какое-нибудь лицо, не получившее на это никакого полномочия и без ведома своего правительства, предпринимает такой шаг самолично». («В дни мировой войны», стр. 155.) Об интересующей нас попытке Чернин говорит совсем в ином тоне, не допуская здесь, видимо, возможности какой-либо мистификации.

² Его предшественник, Франц-Иосиф, умер 21 ноября 1916 г. (н. ст.).

ходимо сопоставить с тем русским предложением, о котором говорит Чернин.

В то время как часть австрийских империалистов, действовавшая в полном контакте с германскими, предпринимала шаги к отколу России от «союзников» и к заключению с ней сепаратного мира, в другой части правящего класса Австрии вставал иной вопрос — об отколе от Германии и о заключении сепаратного, по отношению к ней, мира с «союзниками».

Некоторые попытки в этом отношении были сделаны сразу же по воцарении Карла, при чем главными действующими лицами в этом деле был некий принц Сикст Бурбон-Пармский, его брат, а также мать этих принцев, герцогиня Пармская (постоянно жившая в Шварцау, в Нижней Австрии). Император Карл был женат на сестре этих принцев, Зите, — это и обеспечило пути для начала сепаратных австро-французских переговоров.¹

Свидание австрийского представителя с принцами, уполномоченными на это официально, состоялось 13 февраля (н. ст.) 1917 г. в Невшателе. О тех условиях мира, которые выдвигала французская сторона, император австрийский знал до этого от герцогини Пармской. В свою очередь, император Карл уполномочил своего делегата передать те основные пункты, которые он считал могущими лечь в основу мирных переговоров; в число этих пунктов входило, между прочим, заключение «секретного перемирия с Россией, ценою отказа Австро-Венгрии от всяких притязаний на Константинополь».²

Об этих переговорах было известно только самому тесному кругу лиц: во Франции — президенту Пуанкаре, дипломатам Камбону и Мартэну; со стороны Австрии знали об этом император, императрица (сестра принца Сикста) и герцогиня Пармская (мать Сикста); графу Чернину (с 23 декабря 1916 г. австрийскому министру иностранных дел) было известно лишь что императору удалось открыть путь к завязке переговоров, однако вскоре Чернин был введен в курс дела.

После упомянутого свидания австрийский посланец (граф Ф.-Эрдели) отправился в Австрию для доклада императору, — и затем, 21 февраля, снова вернулся в Невшатель с письмом, продиктованным императором, а также с официальной нотой

¹ Сами эти принцы считались французскими гражданами.

² Как этот последний пункт, так и другие, представляли, в несколько измененной форме, как раз те условия, которые намечались Сикстом.

Чернина, от 20 февраля 1917 г., и с секретными к ней комментариями императора Карла.

В своей ноте Чернин, однако, подчеркивал тот принцип, что австро-германско-турецко-болгарский союз является безусловно нерасторжимым, и сепаратный мир с одним из членов этого союза невозможен. В остальной части ноты развивалась подробно официальная австрийская точка зрения, вносившая различные ограничения в намеченные императором Карлом принципы.¹

Об этом австрийском ответе принц Сикст сообщил Пуанкаре. Последний видел главную трудность для открытия таких переговоров со стороны Италии и опасался, что итальянское правительство, узнав об этих переговорах, разоблачит их. Вследствие этого Пуанкаре предполагал добиться от австрийского правительства согласия по важнейшим пунктам и уже после собирался сообщить об этом Англии и России, и обсудить вопрос о возможности заключить сепаратное перемирие с Австро-Венгрией.²

Дальнейшее развитие этого дела для нас неинтересно, так как в России произошла революция.

Таким образом, мы можем видеть, что эти переговоры протекали как раз в то время, когда, — по указанию Чернина, — из России в Австрию поступило предложение о желании заключить мир: первое русское обращение Чернин относит к 26 февраля (н. ст.), — это было в те дни, когда уже состоялось в Швейцарии вторичное свидание принца Сикста с австрийским представителем.

Является вопрос: есть ли связь между двумя этими попытками, т.-е. переговорами, которые вел Сикст, и предложением, поступившим к Чернину 26 февраля. При решении этого вопроса надо обратить внимание на то обстоятельство, что сам Чернин, со слов которого мы узнали о русском обращении 26 февраля, раз-

---

¹ Надо заметить, что сам Чернин стоял на точке зрения невозможности откола Австрии от Германии, и, говоря в своих мемуарах о шагах к миру, он подчеркивает: «Поскольку, наши попытки заключить мир исходили от министерства иностранных дел, все они имели в виду весь четверной союз» (Чернин, стр. 182). Однако, Карл и некоторые близкие к нему лица, допускали возможность откола от Германии.

² История всего этого эпизода изложена самим принцем Сикстом в книжке «L'offre de paix séparée de l'Autriche 4 décembre 1916—12 octobre 1917 (Paris, 1920). Мы пользуемся переложением этой книжки, сделанным М. А. Лихаревым в статье «Секретная дипломатия в эпоху мировой войны» в журнале «Анналы» 1923 г., № III, стр. 258 — 269.

граничивает, видимо, это обращение от тех переговоров, которые вел принц Сикст. Надо также заметить, что, как мы видели, эти переговоры держались французами втайне от русского правительства, хотя и предполагалось, как ему, так и английскому правительству, сообщить об этом позднее.

Эти данные могут указывать, что поступившее к Чернину предложение является независимым от тех переговоров, которые вел Сикст, тем более, что обе попытки преследовали разные цели: принц Сикст клонил дело к заключению «союзниками» сепаратного мира с Австрией, тогда как поступившее к Чернину 26 февраля предложение, несмотря на «несколько неясную формулировку запроса», давало основание думать, что здесь речь идет о предложении с русской стороны сепаратного мира, т.-е. желании России отколоться от «союзников». ¹ Таким образом, на основании тех данных, которые мы имеем, вероятнее считать, что предложение 26 февраля стояло вне зависимости от австро-французских переговоров.¹

Но это заключение далеко, конечно, не безусловно. Несмотря на то, что переговоры Сикста были строго секретны, не исключена возможность того, что кто-либо из этих лиц нарушил этот секрет; посредством тех австрийских аристократов, которые были в сношениях с русскими, это могло стать известным и в России, — и тогда из правящих русских кругов мог пойти запрос к Австрии, с целью позиционировать почву, или просто предупредить свою союзницу Францию в тех переговорах, которые вели ее представители с австрийскими втайне от русской власти.

Но посмотрим теперь, обнаруживалось ли в это время во внутренней политике Романовых стремление к подготовке сепаратного мира.

---

¹ Отметим кстати, что посредниками при той попытке сепаратного мира, о которой сообщает Чернин, могли быть те самые лица, которые были в сношениях с Васильчиковой (в частности, Лихтенштейн). По крайней мере, Милюков в своей речи в Гос. Думе 1 ноября 1916 г. указывал на некую Нарышкину, которая была связана с Лихтенштейном и, появившись в то время в Петрограде, пыталась действовать в духе Васильчиковой («Стенограф. отчет Гос. Думы 1917 г.», от 1 ноября 1916 г.). Речь Милюкова переполнена разными сплетнями и неверными слухами, но отмеченное указание может найти подтверждение и в переписке Романовых, — только Милюков спутал упомянутую им «статс-даму» Нарышкину с некоей «Мили Нарышкиной», о которой, в связи с речью Милюкова, говорится в одном из писем А. Ф. Романовой («Семейная переписка Романовых», «Красный Архив», том IV, стр. 195).

То время, о котором мы говорим, было последним периодом мобилизации всех черных сил. Конечно, никакими реакционными ударами уже нельзя было придавить грядущей народной лавы. Но не так думали русские помещики и возглавлявший их Николай Романов.

8 февраля 1917 г. Николай поручил любимцу своему, бывшему министру внутренних дел Маклакову написать манифест о роспуске Государственной Думы; это распоряжение было сделано еще до созыва Думы, которая должна была собраться 14 февраля.

Маклаков — имя вполне определенное, — с этим именем и раньше соединялись слухи о записке, представленной Николаю «правыми» по вопросу о необходимости сепаратного мира с Германией.¹ И хотя не удалось доказать фактически, что такая записка была действительно представлена, тем не менее не подлежит все-таки сомнению, что логическим и необходимым завершением всей той политики, которую рекомендовали эти «правые» (и как один из «идеологов» их — Маклаков), был бы, в случае, если бы им удалось еще продержаться у власти, именно сепаратный мир.

В ответ на приказание Николая, Маклаков писал ему 9 февраля, что он обсудит внимательно проект предполагаемого манифеста совместно с Протопоповым и затем будет просить позволения лично представить этот манифест Николаю. Далее Маклаков говорил:

«Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убеждение в том, что надо, не теряя ни минуты, крепко облумать весь план дальнейших действий правительственной власти для того, чтобы встретить все временные осложнения, — на которые Дума и Союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной Думы, — подготовленным, уверенным в себе,

---

¹ Член Гос. Думы Савенко в своей речи в Думе 29 февраля 1916 г. указывал, что, по сведениям французской печати, в конце 1914 г., почти в самом начале войны, Маклаков, Щегловитов и бар. Таубе (исполнявший тогда обязанности министра народного просвещения) представили Николаю записку о необходимости мира с Германией («Стенографический отчет Госуд. Думы», 4-й созыв, сессия 4-я, стр. 2423). Названные лица опровергали тогда это сообщение (что, впрочем, еще не доказывает его несправедливости). Напомним, что об опасности войны с Германией еще раньше, в феврале 1914 г., предупреждал Николая Дурново (см. здесь, стр. 48—49). Надо заметить, что как Дурново, так Маклаков и Щегловитов были политическими единомышленниками — все они принадлежали к группе «справых» в Государственном Совете.

спокойным и неколеблящимся. Это должно быть делом всего совета министров, и министра внутренних дел нельзя оставить одного в единоборстве со всей той Россией, которая сбита с толку. Власть больше чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».¹

Последние слова дают определенный лозунг, — в них смысл всего. Гроза висит над помещиками, над монархией, над царем — надо победить внутреннего врага «чего бы то ни стоило». И хотя Маклаков не договаривает, до какой предельной стоимости можно дойти в расплате за победу над революцией, совершенно ясно, что сепаратный мир вполне входит в эту цену: ведь враг внутренний «стал и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего». Отсюда уже следует, что надо прежде всего подавить главного — внутреннего врага, а с второстепенным — внешним врагом можно и помириться. И тем более потому, что теперь, в сущности, это был уже не враг, а товарищ по несчастью, над которым также нависала гроза. Она, в конечном итоге, шла и тут и там от пролетариата, и эта общая опасность властно диктовала необходимость примирения — хотя бы временного — русской и германской монархий.

Указанное письмо Маклакова было написано 9 февраля (т.-е. 22 февраля н. ст.) 1918 г., а 26 февраля к Чернину поступило предложение о сепаратном мире. Эта хронологическая связь дает возможность предположить, что именно здесь, в кругу Маклакова, Протопопова и вообще всей той группы, к которой они принадлежали, можно искать возникновения мысли о решительных шагах к сепаратному миру.

Планы этого трепетавшего перед революцией черного стана развернулись тогда широко. Помещики мобилизовались и вырабатывали программы действий: ведь они должны были теперь спасти себя, спасти монархическую Россию.

В тесном контакте с этими «правыми», как и ранее, «работали» представители некоторых банковских групп.²

В этом кругу «правых» была выработана тогда целая программа действий, и лозунг Маклакова — «победа над внутренним врагом, чего бы то ни стоило» — был только ее отзвуком. Эта

¹ Полный текст в сборнике «Монархия перед крушением».

² Об этом см. в очерке «Банки и Распутин», в конце главы 3-ей.

программа, на которую намекает и сам Маклаков, была изложена в особой, представленной Николаю, записке, составленной во влиятельнейшем кружке «союзника», сенатора Римского-Корсакова. Эта группа, для «подавления мятежа», предлагала осуществить «в нужный момент» следующие¹ мероприятия.

На все высшие государственные посты и на высшие командные тыловые должности назначить лиц, не только издавна известных своей преданностью «единой царской самодержавной власти», но и способных стать «решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией». «В сем отношении, — говорилось в записке, — они должны быть единомышленны и твердо уверены в том, что никакая иная примирительная политика невозможна; они должны, кроме того, клятвенно засвидетельствовать перед лицом монарха свою готовность пасть в предстоящей борьбе, заранее на сей случай указать своих заместителей, а от монарха получить всю полноту власти».

Государственная Дума должна быть немедленно распущена, без указания срока нового ее созыва, но «с определенным напоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей (86, 87, 111 и 117) основных законов и положений о выборах в Государственный Совет и Думу».

В обеих столицах, а также в больших городах, «должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное), со всеми его последствиями, до полевых судов включительно».

Тотчас же должны быть закрыты «все органы левой и революционной печати».

Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризованы, с перечислением всех рабочих, пользующихся отсрочкой, в разряд призванных и с подчинением их всем законам военного времени.

Государственный Совет, впредь до общего пересмотра основных законов и окончания войны, остается, но все выходящие

---

¹ К этому кружку, между прочим, принадлежали и Штюрмер и Маклаков. Но автором записки был не он, а один из участников кружка — некто Говоруха-Отрок; однако, по словам Маклакова, в записке «авторского ничего нет» (см. показания Маклакова в Следств. комиссии, допрос № 3) — и это верно, так как здесь выражаются общие требования реакционных помещичьих кругов. Записка была напечатана в книге А. А. Б л о к а «Последние дни императорской власти». (П., 1921 г., стр. 122—123.) Но в этой книге не вполне точно разъяснено происхождение этой записки.

из него законопроекты «представляются на высочайшее благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства». Самый состав Государственного Совета должен быть реорганизован таким образом, чтобы в числе назначенных в него лиц «не было ни одного из участников так называемого прогрессивного блока».

Вот, в главных чертах, план, который намечался в руководящем кругу. Это — программа целого государственного переворота и окончательного упразднения законодательных функций Думы.¹

При решимости правящего класса на такого рода борьбу с восставшими народными массами сепаратный мир являлся бы необходимым следствием, вытекавшим уже из попыток осуществления этой программы.

Но правительство почему-то замедлило с осуществлением такой программы (т.-е. с напрасными к этому попытками), и грянувшая революция смела все эти планы.

К этому нужно, однако, прибавить, что у указанной выше группы, руководившей Романовыми после смерти Распутина, была, вне всякого сомнения, полная возможность сделать неофициальное предложение о мире непосредственно германцам;² но, если обращение, о котором говорит Чернин, было направлено в Австрию, то это может вполне объясняться теми мотивами которые мы выше наметили.

После Февральской революции, западно-европейские друзья Николая II, оплакивая всячески его низвержение, старались вместе с тем подчеркнуть, что он до конца был верен союзу. Так, вскоре после революции, председатель Французского кабинета министров Рибо писал в одной из статей про Николая: «Он был и останется верным другом Франции. Он хотел франко-рус-

---

¹ Заметим, кстати, что в то же время обсуждались вопросы о том как бороться с «беспорядками», неизбежными при демобилизации. Эту задачу предполагалось возложить на казаков. 1 февраля 1917 г. казачий атаман генерал-лейтенант граф Граббе представил Николаю II (очевидно, по его приказанию) доклад, в котором, основываясь на том, что «демобилизация огромной армии не может не сопровождаться серьезными нарушениями порядка», намечал ряд мероприятий для борьбы с этим—«иначе отдельные вспышки могут, распространяясь, принять характер восстания».

² В частности, Протопопов, уже будучи министром, не прерывал тайнственных сношений, шифрованными телеграммами, со Стокгольмом; эти телеграммы были у Протопопова отобраны после революции (см. 2-е показание Милюкова в Следств. комиссии).

ского союза и исполнил волю своего отца с безусловной верностью». ¹ Точно так же, когда в Европе распространились слухи о том, что Николай II желал заключить сепаратный мир, то английский посол Бьюкенен счел нужным выступить с опровержением, утверждая, что Николай «никогда не был изменником», а французское правительство подкрепило это заявление опубликованием письма Николая к Пуанкаре, в котором царь свидетельствовал свои чувства дружбы к Франции. ² Мы не имеем намерения опровергать тот факт, что Николай Романов старался быть преданным другом англо-французской буржуазии, и готовы даже признать, что от него не исходило инициативы в вопросе о примирении с Германией. Но, если уже говорить об отдельных лицах, то личность Николая II была совершенно подавлена влиянием Распутина и А. Ф. Романовой. Что же касается этих последних, и вообще всей возглавлявшейся ими группы, в руках которой фактически находилась государственная власть накануне падения монархии, то эта группа, как это можно было видеть даже из приведенных уже фактов и соображений,—явно стремилась к сепаратному миру. Однако, заключительные об этом выводы мы предпочитаем представить в самом конце книги, после того, как яснее обнаружится самый состав руководящей группы, а, кроме того, будут определены и различные скрытые ходы распутинско-романовской политики.

Пока мы лишь отметим, что если предпринимавшиеся австро-германцами попытки к сепаратному миру не вызывали решительных ответных шагов со стороны Романовых (кроме того предложения, о котором говорит Чернин, где, повидимому, даже самая инициатива исходила из России), то это, как мы видели, в некоторой степени объясняется тем, что Романовы боялись «думской революции», которая, по их теоретическому представлению, могла бы произойти от заключения сепаратного мира.

Но, по мере затягивания войны и под влиянием ультра-реакционной политики, разрасталось недовольство широких народных масс, возмущение и отчаяние которых впервые проникло в стены дворца в голосе безвестного солдата: «все жаждут мира»—сказал этот солдат А. Ф. Романовой еще в сентябре 1915 г. ³

---

¹ Цитируем по «Новой Жизни», от 29 апреля 1917 г., статья «Николай II и Рибо».

² «Воспоминания» А. П. Извольского. 1924 г., стр. 184.

³ «Переписка», т. III, стр. 307, письмо от 5 сентября 1915 г.

И теперь глазам Романовых стала уже рисоваться не та «думская» революция, которая, по представлению Романовых, могла произойти от заключения сепаратного мира, т.-е. от окончания войны; теперь стал выявляться призрак революции народных масс, одной из причин которой была затяжка войны.

Итак мы видим, что правящая группа была между двух огней: с одной стороны, было стремление заключить сепаратный мир, тем более, что война усиливала возможность революции; с другой — этого мира заключать было нельзя, так как революция казалась возможной и от заключения сепаратного мира.

Таким образом, правящим группам России и Германии примириться не удалось, хотя взаимные ожидания этого мира продолжались вплоть до тех пор, пока русская революция не изменила всю международную ситуацию.
